

Бахыт

Карибаева

доктор филологических наук, профессор

ПОЭТИКА СЛОВА И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Писатель и критик, доктор филологических наук, профессор Бахыт Карибаева с 1987 года последовательно и концептуально отстаивает свою научную позицию, основанную прежде всего на художественных принципах в возрождении казахской духовности посредством национальной художественной литературы.

Уже в период работы в КарГУ им. Е. Букетова Бахыт Карибаева занималась вопросами литературоведения, которые ранее не исследовались в рамках советской литературы, заложив основы специальных научных курсов «Эстетика фольклора», «Поэтика казахской лирики», «Современная казахская проза» (стилистика-жанровые аспекты). Есть основания считать Бахыт Карибаеву, поднимавшую острые вопросы казахской литературной критики, первым литературоведом, утвердившим в казахской литературе новую исследовательскую методологию, последовательно используемую ею в своих работах.

Продолжив творческую и научную карьеру в Алматы, ученый три года работала заведующей отделом в Доме-музее Мухтара Ауэзова, затем с 2001 года – в ЖенПИ им. Абая, где подготовила научно-исследовательский проект «Казахская литература в парадигме XXI века», вызвавший интерес специалистов и одобренный в 2006 году Министерством образования и науки с присуждением исследовательского гранта. Ее книга «Художественные аспекты развития современной казахской литературы» вошла в список учебников и учебных пособий для 5–11 классов средних школ и прошла апробацию в казахских школах Караганды.

Сегодня Бахыт Карибаева – автор восьми монографий и около 300 научно-критических статей и художественных эссе. Среди них «Поиск безымянного» (Алматы: Жалын, 1984), «Высота» (Алматы: Жазушы, 1984), «Поэтика современной казахской лирики» (Алматы: Жазушы, 1988), «Современная казахская лирика» (Караганда: КарГУ, 1993), «Ауэзов – мировая величина» (Алматы: Мерей, 1999), «Казахский традиционный стих и лирика» (Алматы: Академия образования, 2001), «Художественные аспекты развития современной казахской литературы» (Астана: Елорда, 2001), «Керуен» (Астана: Фолиант, 2014).

В 2013 году казахский ученый приняла участие в Международной конференции в городе Чите (Российская Федерация), выступив с докладом «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Ее статья «Живой Жумекен» о малоисследованном творчестве казахского поэта Жумекена Нажимеденова, автора текста гимна Казахстана, вызвала большой интерес у российских коллег-филологов.

В 2015 году в Национальной библиотеке Алматы прошла презентация концептуальной книги Бахыт Карибаевой «Керуен», изданной в 2014 году в рамках программы «Библиотека Сарыарки», в которой она представила свое научно-художественное видение актуальных вопросов современного литературоведения: зачем казахской литературе нужна новая концепция и как презентовать ее миру в качестве мерила национальной духовности?

На презентации этого труда о самой книге и творчестве автора высказались известные ученые и писатели Алибек Аскарлов, Аманхан Алим, Газизбек Ташимбай, Болат Шарыхымбай, Торегали Ташенов, Сауле Ержанова, а также Насип Нажимеденова, отметившие вклад ученого в современное литературоведение и последовательное отстаивание идеи «беззаветного служения слову ради торжества иррационального над материальным», ведь «литература – это неустанная работа духа».

Именно по этим признакам, считает исследователь, узнают и будут узнавать во всем мире казахскую поэзию, представленную именами Толегена Айбергенова, Мукагали Макатаева, Жумекена Нажимеденова, Кадыра Мырзалиева, Туманбая Молдагалиева, Мухтара Шаханова и других классиков, сохранивших в своем творчестве код национального сознания, утверждающих казахскую национальную идентичность в мире «со своим неповторимым местом, – по словам Н. А. Назарбаева, – казахского народа на глобальной карте XXI века».

В 2019 году книга Бахыт Карибаевой «Керуен» вышла на русском языке, доказывая необходимость ее исследовательских трудов в общественной актуализации государственной программы «Рухани жаңғыру» в современном научном, образовательном и литературном процессе Казахстана. Журнальный вариант статьи из этой книги мы предлагаем вниманию читателей «Простора».

Любовь Шашкова

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Современная казахская лирика являет собою расцвет многовековой национальной поэзии. И это не случайный каприз жанра, а исторически обусловленная закономерность, поэтому анализ казахской лирики требует, прежде всего, исследования национального поэтического языка, эстетических ценностей казахского народа. Иными словами, мы должны воспринимать данный литературный феномен как единое духовное явление, без расчленения на его составляющие. Современная лирика должна получить объяснение также с точки зрения исторической поэтики, причем не столько в хронологическом аспекте, сколько с точки зрения выяснения национальных особенностей казахской поэзии, выявления ее глубинных истоков.

Здесь важно помнить два определяющих момента: во-первых, само понятие «поэтика» претерпевает известные метаморфозы в соответствии с конкретной эпохой; во-вторых, художественно-поэтические особенности лирики определяются специфически национальным комплексом нравственных, этических, эстетических, философских представлений конкретного народа.

Выбор темы и разработка сюжета, образно-метафорическая насыщенность и многозначность поэтического выражения – эти и многие другие художественные приемы в многовековой своей истории дали универсальную систему магического воздействия Слова на человеческие чувства и сознание. В этой связи необходимо отметить важность осмысления национального художественного опыта, вскрытия идейных, эстетических и психологических доминант, определяющих своеобразие казахской литературы. В этом истоки одной из наиболее сложных проблем литературоведения – проблемы традиции и новаторства.

Здесь кроется не менее важная проблема соотношения национального и инонационального в художественной практике казахского народа, более того, эта проблема неминуемо вырастает до степени обобщения роли и значения национальной литературы и культуры, что возможно лишь на основе фундаментальной теории национальной поэтики. Все эти задачи выступают особо резко, будучи сфокусированы на локальный объект казахского литературоведения – историю национальной лирики.

О взаимообусловленности и взаимопроникновении устной и письменной литературы хорошо сказал М. Ауэзов: «Мы любим старую (устную. – Б. К.) литературу. И небезосновательно... Ибо в ней мы находим то, чего нельзя найти во всей мировой литературе... Устная литература в далекие времена исполняла функции письменной литературы. Именно поэтому устная литература смогла обрести глубину и значимость. В устной литературе отражены различные эпохи, различные чаяния народа в завершенной художественной форме. В ней мы находим такие признаки классической литературы, как индивидуализация и типизация, психологизм и т. д.»¹.

Как видно из вышесказанного, понятие «национальной поэтики» не есть нечто однородное, раз и навсегда данное. Национальная поэтика является отражением поступательного движения истории, она динамична и многослойна, ибо вбирает в себя все новые эстетико-художественные веяния. Яркое подтверждение тому – творчество Абая, являющееся плотью от плоти народной казахской поэзии.

«Многие поэтические новшества Абая не есть результат заимствования из других литератур, они уходят корнями в глубины национальной культуры: как пример укажем, что оригинальная метрика стихов Абая имеет безусловные аналоги в таких образцах казахского фольклора, как эпосы, поговорки-пословицы и загадки, приемы ораторской речи и причитания-плачи», – считает З. Кабдолов².

Вот как сообщает свои наблюдения по психологическому воздействию произведений литературы на сознание людей М. Муканов: «С одной стороны, фольклорные жанры оказывают безусловное влияние на формирование психики и образа мышления людей, которые с помощью былинно-эпических образов утверждают в идеях добра и справедливости. С другой стороны, эти образцы становятся как бы отправной точкой их самостоятельных философских исканий»³.

Развитие поэзии неудержимо и каждое поколение открывает для себя новую поэтику. Но ценность этой новой поэтики определяется не дистанцией разрыва с традиционными формами, а наоборот, глубиной и прочностью ее связей с многовековой национальной поэтикой.

Здесь же уместен вопрос: а в чем секрет специфики эстетико-поэтических идеалов казахской народной поэзии, ведущей начало от традиционных фольклорных произведений? По нашему мнению, специфика кроется именно в национальных особенностях мышления и сознания казахского народа. Лишь произведения, отмеченные печатью национальной специфики, отражающие жизнь и дух нации, остаются в памяти народной, входят в бесценную сокровищницу национальной культуры.

Поэзия – один из факторов национальной художественной культуры, этим и определяется ее ценность и значимость. Рассматриваемые нами казахские поэты, воспитанные на многовековых традициях устного народного творчества, тем не менее являются поэтами второй половины XX века, их мировоззрение и стиль выковывались в горниле многонациональных культур, в тесном общении с наивысшими достижениями мирового искусства в целом.

Впереди у них были бескрайние пространства мировой культуры, но чтобы не затеряться в ее лабиринтах, нужна ариаднина нить национальной

¹ Ауэзов М. Қазақ әдебиетін кәзіргі дәуірі // «Шолпан», № 2, 1992. С. 22.

² Кабдолов З. Сөз өнері. Әдебиет теорияның негіздері. Алматы: Мектеп, 1976. – 302–348-б.

³ Муканов М. Ақын ой өрісі. Алматы: Қазақстан, 1980. – 129–135-б.

поэтики, устойчивый интерес к истории родного народа, к богатству его устно-поэтического наследия. Все это накладывает особый отпечаток на рассматриваемое нами творчество поэтов, ставших уже классиками современной национальной литературы.

ТОЛЕГЕН АЙБЕРГЕНОВ

Одним из поэтов, придавших особенность национальной поэтике, является Толеген Айбергенов. К величайшему сожалению, имя и творчество этого поэта, без сомнения, уже классика национальной литературы, почти не известны за пределами республики. Между тем лирика Айбергенова при всей ее замкнутости в пределах национальной поэтики является органической частью большой общечеловеческой культуры, при всем этом Айбергенов вошел в поэзию как символ возрождения древнего, фольклорно-песенного искусства слова, с его многомерной образностью, изысканной метафоричностью, с той знакомо непривычной атмосферой, напоенной духом богатырских сказаний и лукавых восточных легенд. Аруана Айбергенова, сама по себе, стала не только символом, но и метафорическим воплощением поэтического творчества самого Айбергенова, в небольшой по объему, но удивительно насыщенной лирике поэта сошлись скорости эпохи минувшей и эпохи будущей. Темпераментная, не терпящая компромиссов, идущая по кратчайшей – «от сердца к сердцу» – лирика Айбергенова отличается одновременно пронзительной ясностью и по-человечески мудрой глубиной. Творчеству Айбергенова не присущ широкий тематический диапазон, характерный для его молодых коллег, поэт как бы сконцентрирован на чувстве как на нерве всего истинно живого. И эта «нацеленность» позволяет ему многократно повышать накал страстей, очистить человеческую душу от брони престижа, заслуг, условностей и увидеть ее такой, какова она есть; мы привычно кодифицируем это как «углубленный психологизм», но, наверное, это просто глубокая любовь к человеку, без которой не может существовать поэт.

Рано ушедший из жизни Т. Айбергенов был оплакан своими почитателями как первый лирик современности, как волшебник казахского поэтического слова. Читая Т. Айбергенова, отмечаешь богатую пластику казахского языка, с трепетом открываешь для себя его неведомые глубины. Да, он всегда стремился постичь глубинную суть явлений, расширить поэтический диапазон. Поэтому его произведения невозможно рассматривать лишь в аспекте содержания и формы, они требуют очень широких и философских обобщений. В современной казахской поэзии немало сугубо личностных стихотворений. Но лирика Т. Айбергенова выделяется своей проникновенностью, умением сочетать свое интимно-сокровенное с волшебной тайнописью поэтического слова. Слияние этих двух стихий – души и слова – порождает совершенно новые художественные миры, новые образы и краски. Вместе с тем поэт не захлебывается в этом наплыве чувств, интуитивно он чувствует меру эмоций и мыслей, которая единственно преобразует этот огненный поток в явление высокохудожественного порядка. Возможно, именно в этом кроется одна из причин того, что в поэзии Т. Айбергенова совершенно не ощутима дидактика, присущая всем

видам литературного творчества. Поэзия Т. Айбергенова воспринимается как вдохновенный гимн жизни, ее весне. Щедрой рукой бросил поэт в землю семена прекрасно-диковинных цветов, увидел счастливую пору их благоухания и ушел из жизни, не дождавшись осенней печали.

Необходимо подчеркнуть, что все эстетико-психологические реалии поэтики Т. Айбергенова обретают полнозвучность лишь в системе национального мировоззрения, на фоне национальной эстетики и философии. К примеру, в поэзии с незапамятных времен цветок – символ девушки, ее красоты и чистоты. Но этот традиционный образ у казахского поэта дается в ином измерении, новом ракурсе. «Ливни мои не раз просыхали в глазах степных цветов» – здесь каждое слово – метафора, смысловой подтекст неоднозначен, многослоен. Без дождей не восходят цветы, ливни отчаяния заставляют вспомнить неразделенную любовь, капельки дождя скатываются слезой, а есть ли женская красота без слез? Традиционный в поэзии прием параллелизма здесь встречается в наиболее усложненной, динамичной форме.

Знал я лихую скачку степных тулпаров,
Был вскормлен сосцами и горя, и радости,
Но для человека, преданного отчизне и народу,
Нескончаема печаль, нескончаемы муки.

Нет у меня склонности к любованию
Собственными лишениями,
Сказать по правде, немало изведал я
Буйств и веселий,
Но только вот в самый летний зной
На вершинах гор не сходят снега.

В этих двух строфах можно отметить характерные особенности лирики Т. Айбергенова. Философской и одновременно глубоко психологической лирики. Поэтический язык Т. Айбергенова предстает здесь во всей своей мощи и красоте.

Исследователи, удивленные столь необычной поэтикой, долгое время считали это стихотворение не имеющим прецедента в казахской поэзии. На наш взгляд, это не совсем верно. Здесь явственны мотивы и образы древней казахской поэзии, начиная с Асан Кайгы и Шалкиза. Нечто не может появиться из ничего. Т. Айбергенов явил нам в новом виде хорошо забытое старое, наполняя животворной водой современности высохшее русло древней казахской поэзии.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что не каждый 14–15-сложный стих может считаться продолжением упомянутых традиций. Дело не в количестве слогов, а в особой духовной субстанции, которую правильнее будет определить как национальный стиль мышления. Лишь в этом измерении становится явственной связующая нить времен, олицетворенная в знаменитых и безвестных народных мудрецах, читающих душу человеческую как раскрытую книгу природы, родную степь считавших эманацией человеческой души. Без сомнения, в душе Т. Айбергенова горела искорка этой великой степной культуры. Реальна здесь не столько «верблюдица», мчащаяся домой, сколько отражение этого фак-

та в сознании казахского народа. Собственно, только высокая культура народа, утонченное эстетическое чувство могли вызвать к жизни подобную картину, выделить ее из сотни обиходных явлений и вознести ее в ранг художественного переживания, в ранг искусства. Поэт как бы взламывает здесь корку духовного рационализма, присущего людям современности, заставляет их заглянуть в глубины национального духа.

Хоть укрощал я самых разных тулпаров,
Но радость и горе изведал вровень,
Человеку, любящему свой народ и землю,
Невозможно жить беспечальным.

Так выразил Айбергенов свою причастность к миру национального духа, свою неотъемлемость от гущи народной жизни. Сегодня, вчитываясь в его огненную поэзию, мы еще раз убеждаемся в жизненной достоверности образа аруаны, не могущей жить без родины. Чувствуя, что обрывается земной путь, поэт силой таланта и великой любви своей вновь вернулся к своему народу, к истокам национального духа – вернулся поэзией. «Невозможно жить беспечальным» – сквозной мотив творчества Айбергенова. Но это также одна из констант казахской лирики, зачастую она предполагает сопряжение во времени, реминисценции ушедших эпох.

Аруана, попав в чужие руки,
Загрызет верблюжонка.
Печальными глазами уже не оглянется назад,
На родину помчится, орошая путь бусинами слез,
Оглашая плачем,
Горе в груди собрав,
Будет бежать недели и месяцы – пусть горло
Будет иссушено солончаков жестокосердием,
И не успокоится, пока не найдет родные становища –
Пусть даже навеки скроется солнце...
(здесь и далее подстрочник переводчика)

Поэтика этого стихотворения на многие годы стала определяющей в современной казахской лирике. Сказать просто, что оно несет в себе реалии национального характера или эстетику кочевничества – значит, не сказать ничего. Реальна здесь не столько верблюдица, мчащаяся домой, сколько отражение этого факта в сознании казахского народа. Только высокая культура, утонченные эстетические чувства могли вызвать к жизни подобную картину, выделить ее из сотен обиходных явлений и возвести в ранг художественного переживания, в ранг искусства.

Далеко не каждое произведение, имеющее ярко выраженную этнографическую узнаваемость, можно считать продолжением этих древних поэтических традиций. Вскормленные этой Степью, поэты и физически, и духовно оставались ее сыновьями, умевшими с помощью музыки наполнить молоком сосцы верблюдицы, словом донести вековую народную мудрость. Искры этой уникальной степной культуры не гаснут и в современной казахской лирике.

Безусловно, творческая природа каждого художника различна. Как, к примеру, сравнить пламенную поэзию Т. Айбергенова с философски мудрыми, точно выверенными стихами Ж. Нажимеденова? Поэзии Т. Айбергенова свойственна гармония чувств и живописи. Эта гармония была его жизнью, сутью лиризма. Он не стремился отразить в своем творчестве реалии повседневности, более важна для него роль духа.

Солнце-молодица завалилась
На ту сторону горизонта.
Свежий ветер что-то нашептывает в уши,
Заставив звезды нырнуть в свою глубину.
Хрустально кипит в тишине родник.

Издавна родник в поэтическом языке стал символом особой чистоты, свежести, он породил ряд эстетических аналогов не только в поэзии Т. Айбергенова, обрел столь чувственный, «плотский» колорит. Здесь, безусловно, развиваются традиции казахской лирики, берущей начало от знаменитого Абая. Вместе с тем поэт дает чувствам перехлестнуть через поэтическую корму своего художественного видения. Если нельзя разглядеть картину вплотную (по закону перспективы краски сливаются), то поэт умеет выдерживать необходимую «дистанцию» между субъектом и объектом. Но именно эта «отстраненность» создает иллюзию взаимопроникновения, меняет субъект и объект местами. Поэтический метод Т. Айбергенова обрел широкую популярность в современной казахской лирике. Даже М. Шаханов – один из оригинальных поэтов сегодняшнего дня – многое заимствовал у Т. Айбергенова.

Да, творчество Т. Айбергенова невозможно рассматривать вне национальной традиции, оно вобрало в себя все достижения национального духа и национального языка.

Моя душа – средоточие лирики,
Возвышающей вершины этих гор.
Моя душа – сокровищница кюев,
Приводящих в трепет даже соловьев.

Вот так, за иронией пряча истинную природу чувств, выразил поэт свою причастность к миру национального духа, свою неотъемлемость от гущи народной жизни. Сегодня, вчитываясь в огненную поэзию Т. Айбергенова, мы убеждаемся в жизненной достоверности айбергеновского образа аруаны, не могущей жить без родины. Это сам поэт не мог жить без своей Родины, без своего народа. Чувствуя, что обрывается земной путь поэтического таланта и великой любви своей, вновь вернулся к своему народу, к своей духовной субстанции – вернулся поэзией. Щемящая душевность – камертон всего творчества поэта, ключ к пониманию его художественного стиля. Поэтому фраза: «Кулагеров моей мечты камчой подгоняешь ты» воспринимается в своеобразном музыкально-философском ключе, на обнаженном нерве национального мировосприятия. Созданный Т. Айбергеновым образ «кулагер мечты» породил множество поэтических «двойников», но звезды, которых легко касался поэт, недоступны его эпигонам.

МУКАГАЛИ МАКАТАЕВ

Эта же преданность человеческим ипостасям, боль за человека как за вечное явление природы и одновременно гордость за бессмертие его духа и творческую неистощимость разума характерны для поэзии Мукагали Макатаева. Этим он духовно сроднен с бунтарской поэзией Айбергенова, хотя поэтика его многоохватна по тематике, жанрово разнообразна, систематически многолика. Язык Макатаева, при всей образности и значимости, не столь концентрирован семантически, как, например, у Нажимеденова, но охватывает огромный ряд явлений, обладает способностью без излишней многозначности точно отразить суть явлений. Стиль его открыто философичен, поэт много видит и чувствует, умеет хаос впечатлений свести в логический комплекс. Внутренний лиризм, отсутствие и нетерпимость к фальши, задушевность интонации делают его произведения доступными читателю, хотя понять высокую философскую мысль Макатаева не очень просто. Поэзия Мукагали Макатаева является одним из наивысших достижений современной казахской лирики и, безусловно, представляет собой совершенно необходимое звено в золотой цепи национальной поэтики.

Отчаяние правды и правда отчаяния. Отсюда, пожалуй, берет начало драматический стиль в творчестве М. Макатаева, который позднее даст образцы воистину шекспировских страстей. Но в целом в поэзии М. Макатаева преобладают ясные тона, прозрачные краски. Вместе с тем ей совершенно чужды легковесность, стремление к аффектации. Романтизм поэта сродни его реализму, он основан на тех же принципах благородства, добра, справедливости, красоты.

После М. Макатаева писать стихи стало труднее. Нет, не писать стихи, а быть поэтом. Поэзия М. Макатаева открыла новые перспективы казахского стихосложения, создала новую эстетику стиха – здесь уместно вспомнить распространенное мнение о том, что в древности, а также в средние века люди расценивали поэзию не как продукт человеческого разума, а как проявление «небесных» сил. Этот факт своеобразно объясняет тот длительный застой, который имел место в области исторической поэтики. Мы вспомнили об этом в связи с анализом творчества М. Макатаева, ибо его поэзия есть отражение исключительно «земных» проблем. Самую вдохновенную красоту поэт находит не на небе, а опять-таки на земле. Человеческий характер, окружающая природа, Родина – вот боги его поэзии, впрочем, боги, говорящие на очень богатом, образно-сочном казахском языке. Напрямую с этим связан вопрос о поэтической технике, шлифовке которой поэт уделял самое первоочередное внимание.

Очень ясная, прозрачная поэзия. Без надрыва, излома, характерного для многих современных поэтов. Это поэзия чистых глаз и спокойного сердца. Поэзия гармоничного человека. К сожалению, судьба не дала полностью раскрыться поэту именно этой стороной творчества.

Творческая лаборатория поэта так же сложна и многомерна, как и его духовный мир, как вся его жизнь. Так уж случается, что прежде чем взять в руки перо, многие поэты проходят огонь, воду и медные трубы суровой реальной жизни. М. Макатаев был из числа их. Тем не менее он всегда светел в своих чувствах, искренен в переживаниях. О самых драматических, запутанных проблемах поэт умел говорить оптимистически и уверенно.

О, жизнь многотрудная, несешься!
Поклонись мне,
О, жизнь, поклонись мне,
Не дарованное тобой вырву сам!

Этот победительный пафос говорит о силе чувств поэта, о его решимости познать жизнь во всех ее проявлениях, познать все ее тайны. Гибкость художественного слова такова, что отмеченный пафос, по сути, принимается всеми. Но не всеми он реализуется в действительности. Он хочет дойти до сути. Каждое слово его – шаг на этом пути.

Слово, исторгнутое из самого сердца, сравнимо лишь со словами истины. Это одна из необходимых посылок поэзии и одновременно суть ее. Эта единственная возможность пробудить в человеке высокие нравственные чувства представляет интерес. У поэта нет абстрактных идей, отвлеченных чувств. Если это любовь, то это любовь земная, близкая и понятная каждому. И вместе с тем, она не касается своими белоснежными крыльями зловонных луж пошлости и вульгарности. Поэт благородно высок, благородно любящ. Он – поэт в каждом своем слове. Художественные образцы не отдают искусственностью, они вырваны из повседневной жизни, они суть реалии кочевого общества, и наряду с этим они заключают в себе метафорически-обобщающий смысл.

Эти качества присущи очень многим стихам М. Макаатаева. Надо также отметить, что в инструментовке стиха поэт не стремится к точной рифме, к «заданности рифмы». Просто «самое характерное слово» (Маяковский), выносимое поэтом в окончание строки, концентрирует в себе столько поэтического магнетизма, что к нему естественным образом притягиваются слова из последующих строк: «Свободной мысли – свободную форму» – этот лозунг в какой-то степени можно отнести и к поэзии М. Макаатаева. В довершение всего необходимо подчеркнуть, что поэт практикует не «белый стих» в классическом европейском понимании, а сугубо национальную форму, так называемый «изливающийся стих» (төкпе өлең), который образно сопоставим лишь с национальной формой музыки – казахскими кюями-төкпе.

Начав с конкретной человеческой любви, поэт пришел к пониманию вселенской любви, любви ко всему живому, к самой жизни на земле. Мудрец, решивший глобальные вопросы бытия, пришел к постижению наивысшей ценности беззаботного детского смеха. Всю жизнь борющийся за чистоту и святость поэзии, он сам стал ее духом, ее святым. Поэзия М. Макаатаева удивительно «стабильна», она всегда на высокой ноте, всегда в соответствии с самыми высокими мерками искусства. Драматизм чувств в его поэзии выражен не прямолинейно, в нем преобладают тонкие психологические штрихи. Важно, что все душевные перипетии с огромной художественной силой отражаются в его поэтическом слове.

Лирика поэта разнопланова. Есть стихи, поражающие обнаженностью чувств, вулканом страстей, есть написанные в менее динамичной форме, но насыщенные психологизмом, очень образные, философски неоднозначные.

Поэзия – это не сумма рифм, а нечто большее. Ее можно определить самыми различными категориями, с самых разных сторон. Философия жизни. Эстетика человеческого духа. Вера. Религия. Все эти определения по-своему правдивы и вместе с тем не полны. В этой «не до конца познаваемости» и прелесть, и суть

поэзии. «Может, когда я усталый прилягу – сон волшебный?» – сколько мудрой простоты в этих словах. В определенном смысле перед нами философская концепция. Ее надо понимать как древневосточную доктрину иллюзорности сущего. В труде вдохновенном поэт видит красоту жизни, ее смысл и счастье.

М. Макатаев умело использует опыт великой народной поэзии. Нетрудно заметить, что, вернувшись в стихию традиционного казахского стиха, поэт несется на крыльях вдохновения. «В этом голосе жеребенка сила тулпара, взял меня в полон этот голос» – это уже не горожанин. М. Макатаев воспринимает ржание жеребенка как зов его далеких предков, поклонявшихся коню как символу солнечного божества. Поэт зачастую проводник мыслей и чувств, не ему лично принадлежавших. Может быть, в этом и заключается суть национального образа мышления, национальной поэтики.

Для казахских поэтов вообще характерно почти фанатичное поклонение музыкальному искусству своего народа. Это одна из традиций музыкальной культуры. Как многообразие концентрируется в образном ядре кюя, так и любой внешний звук адекватен песне, мелодии, музыкальной фразе:

Что это за голос – печально-неслыханный,
Искра, обжигающая душу,
Кюй – симфония, бередящая душу,
Что это за голос – печально-неслыханный?
И в небе и в сердце – ищу я тщетно...

Это из стихотворения Мукагали Макатаева «Песня».

Айналайын!
Край отцов! Священный край!
Какой же казах отыскал тебя?
Да, сладок воздух Родины,
Сладок!

ЖУМЕКЕН НАЖИМЕДЕНОВ

Среди своих громогласных сверстников Жумекен Нажимеденов был сосредоточенно замкнут, порой даже застенчив. Поэзия его не из тех, что быстро находит читателей, наоборот, вдумчивые читатели сами ищут поэзию Ж. Нажимеденова. С каждым годом это становится яснее, и, кажется, вслед за читателями и критиков потянуло посмотреть, что за тайна кроется в этих неброских, неэстрадных стихах.

Прежде всего, на наш взгляд, Ж. Нажимеденов оградил свой поэтический мир от мира внешнего, будущего, непостоянного. Но это не вакуум. Просто поэт перенес явления и факты жизни в новое, по универсальной шкале отмеренное, бескомпромиссное измерение. Возможно, это измерение истины. Во всяком случае, все, попавшее в этот мир, освобождается от всего фальшивого, наносного, украшательского, короче, становится самим собой. И тогда начинается суд поэта. Суровый, порой безжалостный суд. Поэзия Ж. Нажимеденова во многом еще не

прочитана, хотя книги его всем известны, язык его иносказаний не расшифрован, поэтика не разгадана. Нами сделана лишь попытка установить ориентиры в поэтике Ж. Нажимеденова.

Жумекен Нажимеденов – поэт мысли. Поэтому его лирика производит впечатление не одинокой мелодии, а сложной симфонии. Вместе с тем Ж. Нажимеденов – поэт глубоко национальных традиций: «Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи», – отмечал В. Г. Белинский. Лирике Ж. Нажимеденова свойственен негромкий, душевный тон: обнимая широкий диапазон проблем, обладая широким арсеналом художественных средств, поэт сознательно избирает для своих произведений форму доверительной беседы с читателем. Поэт не развлекает своего читателя, он заставляет его переживать вместе с собой. «В словесном споре ценны не эмоции, а находчивость», – гласит казахская поговорка. Это наблюдение справедливо можно отнести к области народной поэтики, богатая традиционность которой не отмечает, а скорее предопределяет своеобразие индивидуального творчества.

Он принадлежит к категории поэтов, чьи творения не выплескиваются наружу от избытка чувств для постороннего глаза, это воистину «храм поэзии», вход в который доступен лишь по билетам высокой культуры поэтического слова. «Через прицел языка, стреляя шутками, попадаешь в цель, если владеешь секретами слова, но чаще попадаешь впросак: чувства выходят из-под контроля, и собственная мысль хватает тебя сзади», – так описал поэт процесс творчества. Поэт отчетливо понимает необходимость «фиксации» половодья чувства путем образного выражения мысли, но это половодье, судя по всему, сильнее авторского желания. В этом тоже есть своя закономерность, ибо поэзия без чувства выражается схоластикой.

В то же время Ж. Нажимеденов далек от мысли акцентировать в своих произведениях только эмоциональный аспект. Он стремится передать свое видение мира, свою эстетику и философию жизни. Так получается, что в центре его поэзии стоит личность самого поэта, время измеряется биением его пульса. В этом и слабость, и сила творческого метода Ж. Нажимеденова. Слабость, на наш взгляд, заключается в изолированности от внешнего мира, а диалог с этим миром – посредством «форточки» авторского самовыражения. Но постоянная концентрация на вопросах духа, самоуглубленное проникновение в психологию творчества придают поэзии Ж. Нажимеденова новые измерения, определяют ее художественное своеобразие. Ж. Нажимеденову также знаком изнурительный труд, когда, по словам В. Маяковского, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Отсюда стремление поэта к «повтору» определенного эмоционального состояния, стремление во что бы то ни стало поразить мишень стрелой вдохновения. Поэт нашел специфический образ, передающий эти творческие муки: «не хочет возвращаться с пастбищ мое вдохновение – полукровка-верблюдица».

В современной казахской лирике отчетливо прослеживается тенденция к новаторству по всем параметрам художественного творчества.

О, сладость этих мыслей,
человек не в силах насытиться ею.
Излишняя сладость выдолбит горло.

Надежда – красивая бабочка,
Облетающая все цветы.
О, горечь этих мыслей,
Горечь, горечь...

Обращает на себя внимание структура неравносложных строк со свободной рифмой. Автором удачно использованы приемы народной поэтики. Вместе с тем Ж. Нажимеденов не увлекается игрой метафорических ассоциаций, не спекулирует возможностями аллитераций, характерных для казахской поэзии. Строгий, даже аскетичный строй стихотворения хорошо гармонирует с глубиной философской концепции автора. Тонкая нюансировка семантических оттенков делает богатым стих как бы изнутри. Метафорический ряд говорит о стилистических поисках поэта, лежащих в русле общестилистических поисков современной поэзии. Использование двусложных внутренних рифм в конце строки придает стихотворению традиционный ритм казахского поэтического повествования («жыр»), основанного на повторяемости созвучных слов: «ояр болар» – «соған қонар» – «обал болар» и т. д.

Ж. Нажимеденов естественен в своих поэтических экспериментах. Его художественные изыскания ставят целью максимальное освобождение смысла от засилья формы, и потому читатель доверяет поэту, видит в нем не просто поэта-современника, а поэта-соратника. Эта особенность Ж. Нажимеденова еще раз говорит о душевной чуткости поэта, его умении нащупать пульс времени. Ж. Нажимеденов, безусловно, мастер художественного штриха. Это позволяет автору до последнего момента держать смысл повествования «в секрете», нередко окрашивая сюжет в легкие, юмористические тона. К примеру, такая житейская, к сожалению, весьма распространенная ситуация, когда человека при жизни преследуют, не дают возможности работать, а после смерти превозносят до небес. «И до того расхвалят в некрологе, что впору мертвому ожить от столь откровенного лицемерия», – горько замечает поэт.

Сегодня прочитал статью о себе,
Так и скачут из строки в строку громкие эпитеты,
О коварство жизни! – схватился за голову,
Волосы дыбом: «Может, я умер?» –
Ведь в таких выражениях пишутся у нас только некрологи...

Казалось бы, беззаботный, легкий смех, но какие глубины он высвечивает. Здесь уже слышатся саркастические нотки великого Маяковского (это проявляется не только в содержании, но и в архитектонике и ритмике стиха).

Чтобы деталь была выразительной, она должна быть правдивой и глубоко психологичной. Это свойство в особой мере присуще творчеству Жумекена Нажимеденова. К примеру, вот как описывает поэт сцену возвращения домой после долгого отсутствия:

И тогда я не твою вихрастую голову,
А струны домбры гладил с любовью,
Прости, сын.

Для выражения этой сложной внутренней раздвоенности автор не стремится отыскать эффектные образы, красочные сравнения. Эти простые, тяжелые, как камень, скупые мужские слова несут в себе истинную художественность, они соответствуют поэтической тональности момента, в то время как любые другие «усиления» были бы фальшивы.

Во многом с этой искренностью, настроенностью только на правдивое отражение действительности связана концепция художественности у Ж. Нажимеденова:

Не хочет возвращаться с пастбищ
Мое вдохновение – полукровка-верблюдица,
Верблюжонка – печаль-тоску
Я привязал дома...
Кол точкой в землю вогнав,
Приточил к нему строптивицу-мысль,
Сильнее крика – шепот,
Пусть поймет наконец.

Да, Ж. Нажимеденов не трибун, не поэт эстрады. «Сильнее крика – шепот» – его поэтическое кредо. Отсюда камерность, даже интимность его лирики. Но как это ни парадоксально – именно эта замкнутость в своих переживаниях выводит автора в космос общечеловеческих проблем, глубоких философских обобщений.

Одари, судьба, меня тонкостью чувств,
В минуты отчаяния дай мне опору,
Ночной водой буду волноваться неприметно,
Ночной воды морщины на моем лице.

Не случайна эта метафора «ночной воды», олицетворяющая собой духовные истоки.

К закату клонится день, к закату,
Тучки-козы рогами уперлись в горизонт,
Время в ярости швыряет снег на лед
По кривым горным скатам...
К закату клонится день, к закату,
В противоборстве тьма и свет,
Тучки-козы одиноко блеют.

Стихотворение не укладывается в привычные определения «пейзажной лирики» – настолько оно динамично, нервно. Совсем не случайно выбрано время «противоборства тьмы и света». В психологии степняка это время отмечено особой семантикой. Казахи называют его «бейуак» – «межвременье». В этот период суток нельзя начинать важные дела, нельзя ссориться и ложиться спать. Особенно тревожно зыбкое состояние человеческой психики. Переходная грань природных явлений ассоциируется с кризисными фазами духовной жизни. «Время в ярости швыряет снег на лед по кривым горным скатам» – этот образ как бы аккумулирует в себе всю динамику сложных процессов человеческой психики.

Поэт знает цену вдохновения, но он ищет его не столько в буйстве и размахе чувств, сколько в их глубине. Не случайна эта метафора «ночной воды»: если гребни бегущих волн олицетворяют творческую интеллигенцию, то «неприметная» ночная вода – это духовные силы народа. Слиться с простым народом, стать частичкой народа – вот цель поэта. Здесь его творческие и духовные истоки. «Глубина заставляет волноваться океан, а не ветер» – это его поэтическое кредо стоит в одном образном ряду с «ночной водой» народной мудрости. В этом отказе от собственного «я», потенции национального самовыражения путем обезличивания автора – суть поэзии Ж. Нажимеденова, продолжающего традиции народного культуротворчества.

Вместе с тем в его стихах бьется пульс современности – хотя совсем необязательны для этого такие атрибуты, как космодромы, миллиарды, парламентарии. Ж. Нажимеденов современен в самой сути творчества, а это важнее.

Вбить решил, что такое «душа поэта»,
Стихами запулеметил, что было сил,
Ни единой строки она не поняла,
Я ее в театр не пригласил.

Внешность и ум, красота и душа – как до обидного часто не совпадают эти категории, не совмещаются в одном человеке. В повседневности мы, пожалуй, не придаем значения этим контрастам, но для поэта они трагичны. Это мальчишескую юность свою вспоминает поэт и по-мальчишески пытается бороться с этой вопиющей несправедливостью: «Она читать не захотела моих стихов, я не стал ножками ее любоваться», «Ни единой строки она не поняла, я ее в театр не пригласил».

Глубокий лиризм в сочетании с даром философского осмысления присущ поэзии Нажимеденова; поэт справедливо считается певцом обычных, «негероических» чувств, в лирике его находит отражение психология рядового человека с его повседневными заботами и волнениями; вместе с тем эта камерность, нетрибунный пафос лирики не мешают поэту достигать значительных высот гражданственности, патриотизма; во многом этому способствует лаконичный, семантически выверенный язык его произведений.

Нажимеденов внес много новшеств в природу образотворчества: художественный образ дается автором не в статике заданности, а в динамике его сотворения, причем эта динамика требует определенной работы мысли и воображения от самого читателя, вовлекая его в «сотворчество» с автором, этому во многом способствует оригинальный язык поэта, насыщенный метафорами, неожиданными сравнениями. Нажимеденов создал новую поэтику слова, придав последнему многоизломность, функциональную и синтаксическую многозначность; стилистика его произведений – поэтикообразующего начала. Практически в стихах Нажимеденова нет «вакуума занимательности», который необходимо было бы заполнить искусственным «нагнетанием страстей» или этнографической экзотикой: поэт живописует жизненные реалии и в художественной форме отражает реализм жизни.

Поэт видит этот обширный мир «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа». Конечно, этнографические атрибуты казахского народа выражены в его произведениях с присущей им красочностью и выразительностью, но

национальный характер поэзии Нажимеденова проявляется прежде всего в стихах, посвященных извечным проблемам общечеловеческого бытия. Творчество Нажимеденова в своей строгой цельности, определенности мировоззренческих взглядов, психологической достоверности описаний представляет собой одно из духовно-формирующихся явлений современной казахской лирики.

КАДЫР МЫРЗАЛИЕВ

На какие бы проблемы ни проецировали свое творческое внимание казахские поэты, эти проблемы, как спицы в оси, стыкуются в главной теме – теме Родины. Народ, национальная культура, время – в этих измерениях познается священное понятие Отчизны.

В этих вечерних сумерках в душу мою,
О Великая Степь, войди рокошущим кюем...
(М. Макатаев)

В мире мне встречались высокие горы,
Золото видел и луной любовался,
Но равной закатам в моей Степи –
Нет красоты, западающей в душу...

В четверостишии Отежана Нургалиева выражена специфика национальной эстетики. Степь в казахской лирике не просто географическое понятие, она олицетворение народа, Отчизны:

Мягче лунной постели,
Место, где осенью резвятся жеребята,
Среди всех пяти материков единственное,
Ты – моей души жайляу.

Невозможно перечислить все эпитеты и метафоры, посвященные этому сакральному понятию – «дала» («Степь»), и все же следующее стихотворение К. Мырзалиева выделяется и на этом фоне:

С серых перевалов нагрянуло кочевье чувств,
Седой иней, с грустью вспоминая зиму, тает,
Серый рассвет черной ночи –
Спой, жаворонок, свою утреннюю песню...
Мой брат лихой, ласкавший молчаливым касаньем ладони,
Песня, рожденная печалью души,
Глоток хмельного воздуха,
Серые травы сырой степи...

В чем обаяние этих строк? Наблюдения в области метрики, ритмики произведения мало что проясняют в этом вопросе. Гораздо важнее реалии, которые близки сердцу казаха. К. Мырзалиев – глубоко национальный поэт, он прекрасно чувствует национальную психологию и в своем творчестве ориентируется на ее

доминанты. Сквозной семантический мотив, основанный на многозначности слова «боз» («серый», «седой», «печальный» и т. д.), как лексической, так и национально-психологической, как бы обрамляет основную идею стихотворения, придает ей завершенность.

Владея филигранной поэтической техникой, К. Мырзалиев умело насыщает плоть стихотворения разнообразными художественными тропами. Метафоричность языка, богатая определительная характеристика, специфически национальная образность делают поэзию Кадыра Мырзалиева многомерной, полифоничной. Если «пересказать» содержание данного стихотворения даже вполне профессиональной прозой, то теряется нечто неуловимое, что поэзию делает поэзией.

Да, современная казахская поэзия сделала большой шаг вперед как в смысле формы, так и содержания. Но все эти достижения стали возможными лишь на богатейшей национальной основе, на традициях национального поэтического языка. Безусловно, даже следуя в фарватере великих предшественников, Кадыр Мырзалиев стал оригинальным поэтом. Но оригинальность его заключена не столько в формалистических ухищрениях, сколько в самобытности мировосприятия, новизне эстетико-философских концепций.

Нахмурившись, как туча, накрыла меня грусть.
И с неба разом звезды сброшены, эх, в мою грудь.

Наверняка в многообразной казахской поэзии (да и у самого Мырзалиева) найдутся и более «красноречивые» стихи. Их сила в ином.

В теории литературы существует множество определений понятия «лирика». Каждое из них несет в себе частицу истины, и каждое имеет право на существование. Тем не менее, если попытаться привести все эти определения к какому-то общему знаменателю, то, пожалуй, надо выделить «силу эмоционально-психологического воздействия» как наиболее характерные свойства лирики. К примеру, если вернуться к приведенному выше двустишию, то надо сказать, что без этого усилительного «ау» («құйылды-ау» – «сброшены, эх») оно потеряло бы половину своей выразительности: во всяком случае, оно перестало бы быть специфически «мырзалиевским». В чем причина? Дело в той экспрессивной «намагниченности», которой обладает это пресловутое «ау». Поэт тонко чувствует это и использует данную «деталь», хотя она совершенно излишняя как в плане благозвучия, так и ритма.

К. Мырзалиев умеет быть неожиданным. Тонкий психологизм, эстетический такт, чувство юмора позволяют ему сопрягать, казалось бы, несопрягаемые вещи:

Истинной сути юрт,
Жайляу и степей
Не поняв –
Не поймешь ты меня,
Не поймешь, мой сынок.

Два жизненных уклада сошлись в этих строках. Но его стихи – не оплакивание степи, а скорее призыв взять ее жизненные силы, ее дух в путешествие по

звездным мирам человеческой цивилизации. Даже в масштабах страны трудно назвать поэтов, ставших вровень с К. Мырзалиевым по глубине осмысления современности, по органичности сочетания национальных и интернациональных аспектов данной проблематики.

Искусство слова не терпит догматики в художественных критериях, каждое слово самоценно и эстетически значимо. Потому, говоря о поэзии К. Мырзалиева, очень трудно безапелляционно заявлять: эти стихи прекрасны, а вот эти ни к чему не годны. Ибо каждое, даже самое проходное стихотворение открывает новую грань творчества поэта, высвечивает определенные перспективы его поэзии. Что касается «самоповторений» в поэзии, то это действительно хроническая болезнь многих современных авторов. Сказать, что К. Мырзалиев свободен от этого греха, было бы отступлением от истины.

Рационализм мысли, строгая гармония мысли и чувства, безупречная стихотворная техника, позволяющая переплавить в поэзию самые сложные абстракции человеческого разума – характерные черты лирики Мырзалиева. В творчестве поэта явственна тенденция к четкой определенности формально-идейных компонентов, пожалуй, даже к «смоделированности» индивидуальной поэтики. За редким исключением, в его стихах нет случайных мотивов, незрелых мыслей, неотшлифованных слов. Строгая логика, всеобъемлющий охват проблематики, ясное видение конфликта – вот поэтический стиль Мырзалиева.

Вместе с тем одни эти качества не смогли бы гарантировать поэту той популярности, какой он пользуется, если бы стихи его не были обеспечены валютой высокой художественности, одухотворены высокой идеей правды и гуманизма, согреты мягким лиризмом и тонким юмором. Мырзалиев – один из немногих поэтов, удачно синтезирующих в своем творчестве традиции и ценности многожанровой устно-народной поэтики, всей исторической культуры казахского народа с идеями и духовными потребностями современного человека. Возможно, поэтому его произведения отмечены высокой культурой мышления, ценны не столько фактическим содержанием, сколько способностью к созиданию перспективных уровней мышления.

Для поэтики Мырзалиева характерно стремление выйти за рамки сложившихся стереотипов, подчинить слово мысли, форму – содержанию. Мырзалиев свободно обращается с традиционными стихотворными размерами, «ломает» структуру стиха в угоду более точной реализации идеи, но во многих произведениях выступает в роли приверженца ортодоксальных поэтических форм; все это в совокупности дает динамичную картину творческих поисков поэта, одновременно обозначая еще одно русло, которое пробивает река современной казахской лирики, отличающейся вниманием не только к масштабным-монументальным темам, но и к мелочам повседневности.

Искусство поэтического штриха, «говорящей» детали очень высоко в ее поэтике. В особенности это относится, вместе с К. Мырзалиевым, к творчеству таких поэтов, как Т. Молдагалиев, С. Жиенбаев, Ж. Нажимеденов, О. Нургалиев, которых можно назвать «лириками в лирике».

И луна сегодня спустилась так низко –
Прямо над головой,
И любуется без разрешения моей любимой,

Я бы прикрыл лицо моей любимой,
 Но ведь я и сам хочу любоваться
 Ее красотой...

С такими бесхитростными, но очень светлыми стихами пришел в поэзию Туманбай Молдагалиев. Как видим, уже в одном из первых опытов поэт избрал объектом поэтического вдохновения не просто природу или человека, но и их диалектическую взаимосвязь. Характерное для всей казахской лирики стремление одухотворить природу стало одной из доминант творчества Т. Молдагалиева. Через много лет он напишет следующие строки:

Воспевая родство человеческих душ,
 Забыл о красоте утренней серебристой росы,
 Одинокий лист сорвался с дерева –
 О, как испугал он эту утреннюю тишину...

Несмотря на разницу хронологии, оба стихотворения близки друг другу. Возможно, последнее было отмечено печатью более изощренной техники, но в духовном аспекте они представляют градацию одного чувства – человеческого одиночества. Одинокая луна подглядывает за счастьем влюбленных. Одинокий лист срывается в мертвой тишине утра. Это не просто стилистические параллели – это глубокое проникновение в человеческую психологию. Какая горечь в этих словах: «воспевая родство человеческих душ, забыл о красоте утренней серебристой росы». Автор здесь протестует против какой-то абстрактной любви к человечеству: любовь всегда конкретна, и «забытая роса» – это образ «забытого человека». Воистину, нельзя любить человечество, не любя людей.

МУХТАР ШАХАНОВ

Многих аспектов этой проблемы касается в своих стихах казахский поэт Мухтар Шаханов. Популярность его обусловлена прежде всего той смелостью, с какой он берется за самые сложные, порой щекотливые и неблагодарные, но всегда актуальные темы. Иногда возникает такое чувство, будто без этих тем, без попыток решения именно этих проблем теряется связь поколений, связь между вчера и сегодня. Все же в казахской критике нет единого мнения по поводу творчества этого поэта. Есть люди, считающие произведения М. Шаханова легковесными, созданными в расчете на доверчивость непритязательной аудитории. Немало также и тех, кто считает его поэзию наиболее выдающимся явлением в казахской литературе начиная с 1970–1980-х годов.

В таком противоречии мнений существует проблема, которая связана с соотношением речевого жанра и индивидуального стиля. По М. Бахтину: «В каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры, притом не только вторичные (литературные, публицистические, научные), но и первичные (определенные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, философского и др.)».

Не претендуя на исчерпывающую полноту по данному вопросу, отметим, что одним из качеств поэзии М. Шаханова является неординарность его поэтически-

го стиля. Применительно к творчеству М. Шаханова невозможно оперировать привычным набором литературоведческих понятий и терминов. Если эпика и лирика традиционно считаются двумя самостоятельными литературными родами, то в поэзии М. Шаханова они существуют в единой ипостаси. Как стихи, так и баллады поэта построены на сюжетных началах, и в то же время они сохраняют «концентрат» традиционной лирики. Эта стилевая двухмерность составляет одну из особенностей творчества поэта.

Как следствие, обнаруживается невозможность анализировать поэзию М. Шаханова в одной плоскости, в рамках одного жанра. Порой даже трудно дать жанровое определение его стихам: в них смешались точность, объемность прозы, глубина философского трактата, полемическая страсть публицистики, обаяние лирики. Очень показательны в этом плане такие принципиальные произведения, как «Соколы в аэропорту Барселоны», «Великолепие любви», «Поиски истины», «Отрарская элегия». Поэт смело берется за темы, которые многие другие обходят стороной. Эта гражданская и творческая принципиальность неминуемо вовлекает его в конфликт, приводит к экстремальным ситуациям, когда на одной чаше весов находится правда и честь, а на другой – житейская «мудрость».

Помнишь ли, кого и с кем ты сравнил.
Когда из множества стригунков
Вырвался вперед особый стригунок,
Ты же не кричал «ура».
Жеткергенов Жебеген,
Толегенов Айберген.
Мельком взглянув на них,
Ты допустил ошибку.

Безусловно, эти стихи откровенно публицистичны. Все художественно-стилистические средства подчинены центральной идее – отсюда динамика ритма, скупость художественных тропов, нарастание экспрессии и неумолимость доводов. Порою пламенная риторика поэта напоминает отвагу знаменитого Махамбета: тот же ритм, экспрессия, обнаженность чувств. Однако есть и различия. Если у Махамбета это непосредственный призыв, духовное оружие восставших в неравных схватках, то стихотворение М. Шаханова – скорее внутренний монолог, это взгляд в себя.

Родина моя – мечта моя и печаль,
Какие пути уготованы тебе?
Моя гибель –
Да не обернется твоей погибелью...
О, Родина,
Ты мое возрождение,
И пока не взойдет над тобой солнце,
Да не увижу я страданий на твоём челе,
И пока не искоренится подлость,
И пока цветы не прорастут сквозь мой шлем –
Даже под землей я буду твоим защитником...

Это из стихотворения «Последний монолог Махамбета» Мухтара Шаханова. Можно называть его монологом отчаяния и монологом оптимизма. Тесно слиты здесь светлые и темные стороны бытия, есть добро, но еще агрессивней зло, есть печаль и горе, но не угасла надежда. Неугасимыми ночными кострами освещают думы бунтаря-поэта вековечную казахскую степь, великую и трагичную судьбу народа. М. Шаханов мастерски использует здесь довольно сложный стилистический прием поэтической градации. От первого до последнего слова авторская мысль держит читателя в напряжении. Подобно основной музыкальной теме, она хорошо аранжирована богатым арсеналом художественных средств.

Идейно и тематически это стихотворение перекликается со знаменитым «Мұнар күн» Махамбета. Эти два анафорических повтора – «мұнар күн» («день горя») Махамбета и «күні ертең» («день завтрашний») М. Шаханова – как бы акцентируют в себе идею борьбы, несломленности народного духа. Конечно, у Махамбета больше злой горечи, импульса к отмщению, у М. Шаханова – лиричности, оптимизма. Особенности эпохи, отмеченные хронологической разницей в полтора столетия, обусловили и особенности поэтики, но они же и определили внутреннее единство этих произведений.

Если стихотворение Махамбета характеризуется героикой подвига, жаждой сиюминутной деятельности, то монолог М. Шаханова – это философский анализ, охватывающий не только проблемы современного человека, но и опыт многовековой народной истории. Пожалуй, можно сказать, что стихотворению Махамбета присуща романтика подвига, а стихотворению М. Шаханова – горечь, если не скептицизм реализма.

Именно вокруг ключевых слов (понятий) возникает своеобразное силовое поле, которое притягивает к себе остальные, порождает новые образы, метафоры, эпитеты. Вспомним: «Моя гибель – да не обернется твоей погибелью», «Сколько же еще злу глумиться над правдой», «О, Родина, ты мое возрождение» – все эти и многие другие поэтические обороты М. Шаханова поражают своей новизной и точностью. А ведь если разобраться, здесь нет ни одного «неологизма» в собственном значении этого слова. Все эти обороты, во всяком случае, их составляющие, известны давно и повторялись поэтами и прозаиками несчетное число раз. Но именно у М. Шаханова они обрели особый художественный подтекст.

О тонкости этого подтекста говорит хотя бы такой факт, неброский, но действительный. Упомянутый прием градации имеет в данном стихотворении как бы две эмоциональные окраски: «теньевую» и «светлую». Первая из них состоит из нагнетания тропов на «деп», «сумдар корқақ тартар деп» и т. д. Вторая построена на обыгрывании характерного слова «шыққанша», «алдан жарқын күн шыққанша», «дуылғаны қақ жарып гүл шыққанша» и т. д. Иными словами, противопоставление семантики (добро и зло) сопровождается также различиями в инструментровке стиха. В конечном итоге это приводит к возникновению определенных символов, стереотипов восприятия, канонизации смысла (вспомните «Песню о Буревестнике» М. Горького и «Альбатрос» С. Сейфуллина), что лежит в русле общелитературных процессов и, собственно говоря, является одним из показателей того, что произведение состоялось.

Поэзия невозможна без творческого восприятия уже достигнутого, без обновления своих художественных арсеналов. Поэзия М. Шаханова в этом плане весьма показательна. К примеру, рассмотрим выражение «дуылғаны қақ жарып

гул шыққанша» («и пока цветы не прорастут сквозь мой боевой шлем»). В общей системе поэтических средств это метаморфически-образное выражение занимает особое место, оно как бы являет собой кульминацию градационного ряда, придавая стихотворению необходимую смысловую и эмоциональную завершенность. На первый взгляд может показаться, что оно имеет сходство с казахскими метонимиями. Сравните:

В синюю броню закован,
Вышел богатырь на поединок.
На громадном пегом коне,
Во всеоружии,
Выехал он навстречу
На боевом коне.
(Из казахских эпоса).

Надо отметить, что если рассматриваемое выражение имеет метонимическую природу, то оно довольно далеко отошло от своих «прародителей». В этом плане оно имеет свойство антитезы. Но даже в этой функции данное выражение заметно отличается от «классической антитезы» («шендестіру»):

Белокожая, румянолицая, обнаженная,
С распущенными черными косами, закрывающими лицо.

Это двустипшие Абая теоретик казахской литературы К. Жумалиев определил как «наиболее сильную форму казахской антитезы». Безусловно, в использовании этой стилистической фигуры в художественном творчестве Абай не имел себе равных. Однако М. Шаханов создает необходимый контраст уже не только внутри строки, но и за ее пределами. В объеме всей строфы, и даже стихотворения, этому способствует удачно использованный поэтом прием строфической анафоры («еспе қайталау») – «мен сенемін кұны ертең». В строфах, начинающихся с этой строки, поэт перечисляет все изменения, которые он ждет в будущем. Эта градационная патетика обрывается контрастным:

И пока не искоренится подлость,
И пока цветы не прорастут сквозь мой боевой шлем,
Даже под землей я буду твоим защитником...

Как видим, в создании этого противопоставления в пределах всего стихотворения («развернутой антитезы») огромна роль ключевого выражения: «и пока цветы не прорастут сквозь мой боевой шлем», которое дает как бы импульс указанной семантике. Таким образом, даже один-единственный троп может определить собой всю художественно-стилистическую систему поэтического произведения. Исходя из этого, антитезу М. Шаханова трудно сравнить с классической казахской антитезой – несколько стилистически шире, психологически глубже стал этот прием в руках современного поэта. Именно в подобных удачах находит свое выражение динамика теории и практики художественной поэтики.

Открытый, взрывчатый стиль поэзии культивирует Мухтар Шаханов. Его стихи вызывающе публицистичны, и автор не скрывает этого свойства, которое

у другого поэта могло бы превратиться в недостаток. Совершенное владение стихотворной техникой в сочетании с лиризмом как природным даром позволяет Шаханову смело экспериментировать как в области формы, так и содержания. Поэт, пожалуй, первым в казахской лирике узаконил повествовательный стиль, создав органичный синтез прозы и поэзии, лирики и публицистики, возможно, поэтому поэзии Шаханова присущ значительный тематический диапазон, проблематика его стихов не ограничивается рамками национальной культуры, она содержит глобальные, общемировые идеи.

Вместе с тем автору дорог мир его национальной культуры, в сопряжении ее доминант с гуманистическими концепциями развития всего человечества поэт пытается выйти на новые орбиты философского и художественного мышления. В творчестве Шаханова история и современность – две взаимообусловленные категории, поэт стремится приблизить их к сознанию рядового читателя, отвергая одновременно и академизм как неуместную элитарность, и упрощенчество как поправление низкому вкусу обывателя. Идеинность как константа художественности и художественность как условие идеинности – вот творческое кредо Шаханова.

Соответственное развитие получила у него поэтическая форма. Произведения Шаханова многосложны, композиционно разнообразны; он раздвинул жанровые рамки традиционной казахской лирики, создав философские баллады, стихотворные новеллы, притчи. Шаханов придал новые измерения поэтическому слову как эквиваленту мыслительной энергии: многие традиционные красоты стиля отмечены поэтом как недостаточно точные и отвлекающие от сути выражаемой мысли, с другой стороны, именно под его пером обрели первоначальную свежесть и красоту многие древние, но забытые или недопонимаемые ныне приемы национальной поэтики. Вместе с тем поэт многому научился у современных и древних мастеров слова иноязычных литератур, поэзия его несет явственный отпечаток воздействия всей мировой культуры.

Вышеприведенными краткими суммарными выводами не исчерпываются ни содержание и значение индивидуально-поэтических особенностей современной казахской лирики, ни, тем более, магистральные пути ее развития. Означенные темы предполагают комплексный и многоаспектный подход к их разработке, что вряд ли возможно осуществить в объеме одной научной работы и, вероятно, не под силу одному автору. Вместе с тем мы хотели выделить наиболее характерные черты современной казахской лирики, дать представление не только о поэзии, но и о поэтах как конкретных выразителях конкретных художественных идей, определяющих ее развитие и в наступившем столетии.

Перевод с казахского С. Назарбаевой

